

Дадзеныя попіса 1567 г. праліваюць святло яшчэ на адну асаблівасць паспалітага рушэння ВКЛ – каласальную розніцу ў ступені забяспечанасці зброяй прадстаўнікоў ваеннаабавязанага люду. Побач з магнацкімі атрадамі, выдатна ўзброенымі нават з пункта гледжання перадавых еўрапейскіх армій, шэраговая шляхта (асабліва жамойцкая і падляшская) выглядала дастаткова ўбога, што моцна ўплывала на характар узброеных сіл у цэлым. Гэта, а не нібыта ўсходні характар літоўскага войска, у значнай ступені тлумачыць досыць скептычныя адносіны да яго матэрыяльна-тэхнічнага стану спачатку з боку рыцараў Тэўтонскага ордэна, а пасля і з боку палякаў.

¹ Документы Московскаго архива Министерства юстиции. М., 1897. Т. 1. С. 507.

² Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań, 1841. S. 170.

³ См.: Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. Мн., 2002. С. 247–249.

⁴ См.: Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 187, 195.

⁵ См.: Górski K. Historia jazdy polskiej. 2-e wyd. Kraków, 1895. S. 304.

⁶ См.: Zygułski Z. Bron w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu. 2-e wyd. Warszawa, 1982. S. 183.

⁷ См.: Бохан Ю. М. Указ. тв. С. 253–256.

⁸ См.: Русская историческая библиотека. Пг., 1915. Т. 33. Ст. 537–1354.

Паступіў у рэдакцыю 26.03.2003.

Юрый Мікалаевіч Бохан – кандыдат гістарычных навук, загадчык аддзела гісторыі Беларусі XIII–XVIII ст. Інстытута гісторыі НАН Беларусі.

А.А. КИСЕЛЕВ

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИМИ ГУБЕРНИЯМИ И СОСТАВ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО АППАРАТА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Рассматривается внутренняя политика российского правительства в системе местного управления белорусскими губерниями в первой четверти XIX в. В ней приводятся сведения о социальном происхождении, имущественном положении, образовании, месте рождения и чинах основных чиновников губернской и уездной администрации белорусских губерний.

The article is devoted to the internal policy of the Russian government in the system of administration of the Belarusian provinces in the first quarter of the nineteenth century. The data of social origin, property status, education, birthplace and ranks of the basic provincial officials and district administration of Belarusian provinces are presented.

В белорусских губерниях в первой четверти XIX в. почти полностью была сохранена система управления, сложившаяся при Павле I. За годы правления Александра I в ней произошли, однако, некоторые изменения, позволяющие выделить это время в отдельный период внутренней политики самодержавия. Направленность административных преобразований в первую очередь определялась взглядами Александра I – противника разделов Речи Посполитой – на положение западных губерний в составе империи. Еще будучи наследником престола, Александр I в своих беседах с князем А. Чарторыйским признавался, что «его симпатии были на стороне Польши и ее славной борьбы, что он оплакивал ее падение»¹. Несмотря на обещание при вступлении на трон следовать заветам Екатерины II, император не отменил преобразований Павла I в западных губерниях и фактически подтвердил их особый статус в империи². Однако он не торопился осуществлять какие-либо проекты реставрации польской государственности. Князь Чарторыйский в своих воспоминаниях не случайно писал, что внутренняя политика Александра I в начале царствования не соответствовала его обещаниям, данным «в годы юности»³, поскольку он видел решение польского вопроса «лишь в далеком будущем» и «не считал необходимым серьезно вникать в него»⁴. Император, в

отличие от князя, видевшего в России лишь средство для своих планов, прекрасно понимал, что пересмотр сложившихся границ обернется для всей империи дипломатической и военной катастрофой. Кроме того, Александр I не мог не знать того, что положение поляков в западных, в том числе белорусских, губерниях существенно отличалось от их статуса в Австрийской империи и Прусском королевстве.

В белорусских губерниях в течение всего правления Александра I, по словам писателя и публициста К. Козьяна, сохранялись местные «права, учреждения, народные обычаи, привычки, ...в судах по городам высшие и низшие чиновники поляки»⁵. Граф М. Огинский в своем мемориале от 1 декабря 1811 г. писал, что в западных губерниях «привилегии шляхты сохранены; форма судебного производства почти не подверглась изменениям; свободный выбор чиновников (за исключением нескольких назначенных от правительства) был разрешен»⁶. Примечательно, что дворянство белорусских губерний во время наполеоновской оккупации опасалось введения французского гражданского права, поскольку привыкло «к польским правам под властью императора Александра»⁷. Наполеоновские войны 1805–1807 гг., образование в 1807 г. Герцогства Варшавского и последующая подготовка к войне с наполеоновской империей подтолкнули императора к рассмотрению проектов создания на территории западных губерний автономного государственного образования Великого княжества Литовского. В частности, в беседе с князем Чарторыйским, состоявшейся в 1809 г., Александр I заметил, что «хорошо было бы начать действовать в этом духе по отношению к польским провинциям, принадлежащим теперь России, и назваться великим герцогством Литовским»⁸. Однако проекты по образованию автономной административной единицы так и не получили конкретного воплощения.

Повышение внимания к западным губерниям выразилось в административной области как организация межевых судов в Виленской, Гродненской и Минской губерниях⁹.

Александр I накануне Отечественной войны 1812 г., пытаясь склонить поляков на сторону России, обещал «дать конституционное и самостоятельное существование Царству Польскому, взяв на себя титул короля польского»¹⁰. После полного разгрома наполеоновской армии он, несмотря на враждебные действия поляков во время войны и в ущерб национальным интересам России, вновь обращается к проектам по реставрации польской государственности под скипетром русских монархов. Реализация этих планов оказала непосредственное влияние на умонастроение чиновничества и дворянства, состав бюрократического аппарата и структуру управления белорусскими губерниями. Так, в заключительном акте Венского конгресса от 9 июня 1815 г. отмечалось, что русский император «предполагает даровать, по своему благоусмотрению, внутреннее распространение» Царства Польского¹¹. Из неофициальных бесед императора с польскими аристократами, наместником и высшими чинами Царства Польского следовало, что весьма вероятно присоединение белорусских губерний к польскому королевству. Во время своего последнего визита в Варшаву в 1825 г. Александр I, по словам великого князя Константина Павловича, «дважды положительно высказал это нам, моей жене и мне, то же самое было повторено им множеству лиц, как военных, так гражданских»¹². Содержание этих бесед было хорошо известно дворянству и чиновничеству белорусских губерний, поэтому далеко не случайно вся «интеллигенция края надеялась», что Александр I «присоединит отделенные провинции к польскому королевству»¹³.

Александр I был первым самодержцем, который стал специально «отыскивать среди поляков людей, способных занять высшие посты»¹⁴ в белорусских губерниях. При этом наиболее заметные изменения в кадровом составе чиновничества произошли именно после образования Царства Поль-

ского. Однако в историографии почти полностью отсутствует комплексная характеристика поветовой и губернской бюрократии первой четверти XIX в. Настоящая публикация содержит сведения о служащих, характеризующие администрацию Виленской, Гродненской, Минской, Витебской и частично Могилевской губерний в 1825 г.¹⁵

Во главе двух из пяти белорусских губерний (Гродненской и Минской) находились местные уроженцы. Следует отметить, что уже в 1816 г. впервые в административной практике управления западными губерниями в Виленской, Минской и Гродненской губерниях губернаторами и вице-губернаторами оказались поляки. Их назначение, по-видимому, было непосредственно связано с планами Александра I по расширению территории Царства Польского. Все губернаторы происходили из потомственных дворян. Витебский губернатор не владел крепостными крестьянами, а минский губернатор пользовался 12-летней арендой 55 ревизских душ (далее рев. душ. – А. К.), а сведения об имущественном положении трех человек не сохранились. Из пяти человек трое не служили в армии, относительно прочих сведения отсутствуют. Средний возраст трех губернаторов ко времени назначения на должность составлял 47 лет.

Второе место в губернской чиновной иерархии занимал вице-губернатор, управлявший казенной палатой. По своему сословному происхождению четверо из пяти вице-губернаторов белорусских губерний были потомственными дворянами, а один – «из солдатских детей». Их средний возраст составил около 60 лет. Учебное заведение – Виленский университет – окончил лишь гродненский вице-губернатор, ранее служивший в армии Речи Посполитой. Три вице-губернатора служили в русской армии, трое из пяти вице-губернаторов (гродненский, могилевский и витебский) были из числа местных уроженцев. Сведения о земельной собственности имеются относительно четырех человек: виленский вице-губернатор имел 98 рев. душ, витебский – 168 рев. душ, прочие являлись беспоместными дворянами.

Ключевые посты в губернской администрации занимали советники губернского правления, казенной палаты, главного суда, губернский прокурор (должности VI кл.), губернские стряпчие (VII кл.), ассессоры правления и казенной палаты (VIII кл.), а также секретари (X кл.). Анализ 86 (97 % от всего числа) формулярных списков показал, что в четырех белорусских губерниях доля местных уроженцев на должностях VI–VIII и X классов составила около 56 % всех лиц. В частности, из 20 чел. высшей администрации Гродненской губернии 15 (75 %) были местными уроженцами. В Виленской губернии 13 чел. (65 %) оказались коренными жителями белорусских губерний. Некоторое исключение представляет Минская губерния, в которой лишь треть всех служащих была местными жителями. Примечательно, что в Витебской губернии 50 % всех лиц являлись выходцами из западных, в том числе белорусских, губерний. Следовательно, тезис польского историка Ш. Аскенази о том, что в восточнобелорусских губерниях польский «элемент по возможности устранялся и заменялся русским и православным элементом»¹⁶, не соответствует действительности. Эти сведения получены на основании косвенных данных, содержащихся в формулярных списках. В случае отсутствия надежных доказательств о происхождении конкретного лица оно причислялось к выходцам из внутренних губерний империи. Таким образом, представленные сведения отражают минимальные показатели. По своему сословному происхождению 71 чел. (83 %) были потомственными дворянами, по два человека происходили из обер-офицерских и солдатских детей соответственно, один – из купеческих детей, один – из мещан, один – из казаков, один – из чиновников и трое были разночинцами. Образование в учебных заведениях получили 19 чел., или 22 % всех лиц. Из них четверо окончили университет, 10 имели среднее образование, пять ограничились

начальным образованием, и в двух формулярах было лишь указано «по окончании наук». Самой образованной группой оказались секретари, поскольку среди них каждый третий получил образование. Из чиновников VI класса только каждый десятый окончил то или иное учебное заведение. К крепостным крестьянам принадлежали 15 чел. (17 %), причем шестеро из них были среднепоместными дворянами, а остальные принадлежали к мелкопоместным владельцам. Таким образом, подавляющее большинство коронных чиновников жили только на денежное жалованье. В армии до перехода на службу по гражданскому ведомству служили 10 чел. (11,5 %), из которых один оказался офицером наполеоновской армии, еще один служил в войсках Речи Посполитой, прочие же являлись офицерами русской армии. Средний возраст чиновников при назначении на должность VI класса составил около 43 лет, VII–VIII класса – чуть более 38 лет и возраст секретарей (X класс) не превышал 32 лет.

Не меньшее значение в чиновной иерархии губернии имели председатели и заседатели главного суда, который был высшей губернской судебной инстанцией. Эти должности замещались по выбору местного дворянства. Нами были проанализированы 46 (100 %) послужных списков лиц этой категории. По своему имущественному положению четыре человека (8,7 %) были крупными помещиками, 22 чел. (47,8 %) относились к среднепоместным владельцам, 18 (39,1 %) – к мелкопоместным; один человек не имел крепостных, в одном формуляре отсутствовали сведения о числе рев. душ. Самой состоятельной группой выборных чиновников оказались председатели судов. Только семь человек (15,2 %) получили образование в учебных заведениях, из них четыре человека окончили Виленский университет и трое обучались в уездных училищах. Всего пять человек (10,8 %) служили в армии, причем трое были офицерами войск Речи Посполитой и двое – офицерами русской армии. Средний возраст председателей составил чуть более 42 лет, а заседателей – около 35 лет. Русские классные чины имели лишь пять человек, или около 11 % всех лиц. Титулы имели только князь И.Ф. Пузына и граф И.К. Плятер.

Кроме того, в Виленской, Гродненской и Минской губерниях в 1815–1816 гг. по просьбе дворянства были учреждены губернские межевые суды¹⁷. В частности, в Виленском губернском межевом суде в 1825 г. по выборам служили 12 человек: председатель и 11 судей. Никто из них не имел классных чинов, не получил образования и не служил в армии. Их средний возраст составил около 41 года. Один человек был крупным помещиком, двое являлись среднепоместными и девять человек (75 %) – мелкопоместными владельцами. Председатель суда А.Х. Гедройц имел титул князя.

Рассмотрим сведения об основных чиновниках поветовой коронной администрации Витебской, Минской и Гродненской губерний: городничих, казначеев, стряпчих, исправниках и секретарях земской полиции. Нами было выявлено 145 (99 %) послужных списков лиц этих категорий. Из них 100 человек (69 %) оказались местными уроженцами. Меньше всего жителей белорусских губерний было среди начальников городских полиций – восемь человек (31 %) из 26. На остальных должностях их доля равнялась не менее 70 % всего состава. Лишь 11 человек (7,6 %) получили среднее образование в учебных заведениях, остальные лица из администрации ограничились домашним воспитанием. Примечательно, что чиновники, служившие по ведомству МВД, оказались самой образованной группой поветового чиновничества. В армии служили 42 чел. (29 % всех лиц), из которых большинство являлись офицерами русской армии, двое воевали в составе польских частей наполеоновской армии и один человек был офицером армии Речи Посполитой. Почти все отставные офицеры занимали должности городничих и исправников. Помещиками являлись 35 чел. (24 %); из них

всего четверо относились к среднепоместным владельцам, а прочие – к мелкопоместным. Из 35 помещиков 20 служили земскими исправниками. Средний возраст при назначении на должность казначеев, стряпчих и исправников составил чуть более 33 лет, секретарей – около 31 года и старше всех оказались городничие, которые, как правило, были назначены на эту должность в возрасте не менее 40 лет.

В результате архивного поиска были выявлены 310 (96 %) формуляров выборных чиновников поветовой администрации: судей, подсудков и заседателей, писарей поветовых и гродских судов, подкомориев, а также заседателей земской полиции. Все они, кроме заседателей земской полиции, служили в судебных органах. По своему имущественному положению 60 чел., или около 19 % всех лиц, были среднепоместными дворянами, 213 чел. (почти 69 %) – мелкопоместными и лишь пять человек (1,6 %) являлись крупными помещиками. Кроме того, 28 чел. (9 %) оказались беспоместными дворянами и в четырех списках не было сведений о числе рев. душ, записанных за владельцем. Таким образом, большинство чинов поветовой администрации составляли мелкопоместные дворяне, однако их доля зависела от конкретной должности. В частности, среди поветовых писарей, президентов, заседателей и писарей гродских судов, а также заседателей земской полиции их число колебалось от 71 до 96 % всех лиц. Мелкопоместные дворяне на должностях судей и подсудков поветовых судов составляли 62 и 65 % соответственно. Лишь среди подкомориев доля мелких помещиков была 28 % от всего числа. Эта категория служащих оказалась самой состоятельной, поскольку подкомориями были все крупные помещики поветовой администрации, а доля среднепоместных владельцев равнялась 59 %. Большинство беспоместных дворян (23 из 28) служили заседателями земской полиции. Образование в государственных учебных заведениях получили лишь 10 чел. (3,2 %), причем из них двое окончили Виленский университет, семь получили среднее образование, а один ограничился только начальным. В армии до чиновничьей карьеры служили 26 чел. (8 %), из них 17 (65 %) являлись офицерами русской армии, пять всевали в составе польских частей армии Наполеона, четверо служили в войсках Речи Посполитой и один человек был офицером австрийской армии. Русские гражданские и военные чины выслужили 54 чел., или 17 % всех лиц. Если исключить служащих гродских судов, то из 50 чиновных дворян 40 (80 %) оказались жителями Витебской губернии. Большинство дворян не имели чинов и, следовательно, никогда не поступали на гражданскую или военную службу Российской империи. Средний возраст подкомориев, поветовых судей и председателей гродских судов при выборе на должность был 38–39 лет, подсудков и заседателей гродских судов – около 32–33 лет. Самой молодой группой чиновников оказались гродские писари (26 лет) и заседатели земской полиции (28 лет). Средний возраст поветовых писарей составлял чуть более 35 лет.

Кроме того, отдельно были проанализированы данные о 156 (не менее 90 %) межевых судьях Гродненской губернии. Из них лишь 11 чел. (7 %) относились к крупным помещикам, 31 чел. (20 %) – к среднепоместным дворянам, 109, или 70 % всех лиц по числу записанных за ними рев. душ, являлись мелкопоместными владельцами и относительно пяти человек сведения о размере земельной собственности отсутствовали. Следовательно, большинство судей были мелкими помещиками. Только пять человек (3 %) получили образование, причем трое из них окончили Виленский университет, а двое обучались в кадетских корпусах. В армии служили 34 чел. (около 22 %), из которых пять являлись отставными офицерами русской армии, двое служили в частях Царства Польского, девять человек воевали в составе наполеоновской армии против России и 18 лиц были офицерами польской армии до 1795 г. Всего 10 чел. (6 %) выслужили русские граждан-

ские и военные чины. Среди судей один человек имел титул графа. Средний возраст председателей и судей поветовых межевых судов составил чуть более 45 и 35 лет соответственно.

Итак, большинство чиновников как поветовой, так и губернской администрации белорусских губерний являлись местными уроженцами. В результате бюрократический аппарат белорусских губерний состоял из лиц, которые «составляли одну плотную массу с остальным польским обществом губернии, были чужды и враждебны к русскому правительству и русскому народу»¹⁸. Чиновники из местных дворян были, по-видимому, убеждены в неизбежности включения ряда белорусских губерний в состав территории Царства Польского. Коронные губернские и поветовые должности занимали, за некоторым исключением, беспоместные дворяне. В поветовой выборной администрации самую многочисленную группу составили мелкопоместные дворяне, среди выборных губернских чинов преобладали среднепоместные владельцы. В основном выборные дворяне не имели чинов и, следовательно, никогда не поступали на русскую гражданскую или военную службу. Почти все служащие администрации получили домашнее образование.

Самые важные изменения в административной структуре некоторых белорусских губерний произошли вследствие указа от 29 июня 1822 г., согласно которому Александр I передал под управление главнокомандующего армией Царства Польского великого князя Константина Павловича Белостокскую область и пять западных, в том числе Виленскую, Гродненскую и Минскую, губерний¹⁹. Однако он управлял этими губерниями в качестве начальника Литовского корпуса. Его властные полномочия в западных губерниях регулировались «Учреждением для управления Большой действующей Армией»²⁰. На самом деле власть великого князя превышала отведенные ему пределы, поскольку он активно вмешивался во все области управления, несмотря на то, что это строго запрещалось «Учреждением». В сферу его внимания попадали самые разные вопросы – от порядка проведения дворянских выборов до правильного ведения следственных дел. На его имя поступали судебные жалобы от жителей западных губерний. Так, в предписании минскому губернатору от 5 января 1824 г. великий князь требовал расследовать дело о беглых крестьянах помещика Могилевской губернии Войцеховского, который обратился к цесаревичу с прошением²¹. В результате белорусские губернии, по словам адъютанта великого князя Константина Павловича М.С. Лунина, оказались «подчинены особенному управлению, которого средоточие было в Варшаве»²². Перемещение властного центра в Варшаву было положительно воспринято польским дворянством. Например, в 1823 г. дворянство Минской губернии выбрало депутатов для представления великому князю в Варшаве и постановило выразить ему благодарность за «правосудие и особенное попечение об общественном и частном благе жителей»²³.

Таким образом, административная система западных губерний с 1822 г. сочетала прежнюю систему управления и выполнение всех предписаний центра с правлением великого князя как «главноначальствующего в литовских губерниях»²⁴. Это правление стало искусственной надстройкой над сложившимися органами власти, поскольку сохранялось даже литовское генерал-губернаторство. Вопреки мнению Н.К. Шильдера передача управления западными губерниями в руки командующего армией Царства Польского произошла не «негласным порядком»²⁵, а на полных законных основаниях.

Итак, в первую четверть XIX в. почти все существенные изменения в составе администрации и системе управления белорусскими губерниями произошли после Отечественной войны 1812 г. и были связаны с идеей Алек-

сандра I о расширении территории Царства Польского за счет западных, в том числе и белорусских, губерний. Эти преобразования привели к усилению в этих губерниях польского влияния и ослаблению их непосредственной связи с высшими властными структурами и государственными органами империи.

- ¹ Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторыйского: В 2 т. М., 1912. Т. 1. С. 85.
² См.: Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. 1-е. 1830. Т. XXVI. № 19839.
³ Чарторыйский А. Указ. соч. С. 254.
⁴ Там же. С. 312.
⁵ Kozmian K. Pamiętniki: W 3 т. Wrocław, 1972. Т. 1. S. 272. (Здесь и далее перевод автора. – А. К.)
⁶ Ogiński M. Pamiętniki Michała Ogińskiego o Polsce i polakach: W 4 т. Poznań, 1872. Т. 3. S. 61.
⁷ Kozmian K. Указ. соч. Т. 2. S. 257.
⁸ Чарторыйский А. Указ. соч. М., 1913. Т. 2. С. 204.
⁹ См.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXXI. № 24370, 24655; Т. XXXII. № 25005.
¹⁰ Чарторыйский А. Указ. соч. Т. 2. С. 204.
¹¹ См.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXXIII. № 25863.
¹² Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1905. Т. 4. С. 334.
¹³ В. У. К. Wspomnienia o Slucku. Gniezno, 1905. S. 73.
¹⁴ Чарторыйский А. Указ. соч. Т. 1. С. 253.
¹⁵ См.: Формулярные списки. Российский государственный исторический архив РФ. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 166, л. 5; Д. 191. Л. 2-104, 106-146; Д. 201, л. 2-49, 103-105, 114-154, 194-202, 214-228, 272-284, 299-314, 367-376; Д. 206, л. 2-60, 67-116, 151-162, 529-540, 573-576, 578-579, 582-585, 587-588, 590, 593-594, 597, 603-610; Д. 213, л. 2-23, 25-67, 70-170; Национальный исторический архив РБ (далее – НИА РБ). Ф. 1416. Оп. 2. Д. 6454. Л. 21, 45-46, 49-52, 80-82, 89-93, 103, 107-108, 146, 160-162, 173-175, 188, 199, 203-210, 228-230, 236, 266, 279, 296-301, 306, 322, 333-335, 343-346, 358, 369, 386, 404-406, 410-412, 418, 426, 438, 454-455, 461, 464, 485, 505-507, 517, 523-525, 548-549, 565-566, 572-576, 587, 593, 603, 612-614, 637-639, 650, 657, 675, 688-692, 702-707, 718, 723, 745-746, 757-760, 780-785, 805, 907-909; ф. 2001. Оп. 1. Д. 98. Л. 59-61. 82-86, 93-94, 131.
¹⁶ Аскенази Ш. Царство Польское 1815–1830 гг. М., 1915. С. 101.
¹⁷ См.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXXIII. № 26001, 26087, 26428.
¹⁸ Солоневич Л. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования 1802–1902. Гродно, 1901. С. 25.
¹⁹ См.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXXVIII. № 29088.
²⁰ Там же. Т. XXXII. № 24975.
²¹ См.: НИА РБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 189. Л. 29.
²² Лукин М. С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 148.
²³ НИА РБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 187. Л. 87.
²⁴ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XL. № 30198.
²⁵ Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша // Русская старина. 1900. № 2. С. 293.

Поступила в редакцию 09.11.2001.

Александр Александрович Киселев – аспирант кафедры истории России. Научные руководители – доктор исторических наук, профессор И.В. Оржеховский, кандидат исторических наук, доцент В.В. Сергеевкова.

С.Г. КАШЛЯК

ВОЕННАЯ СИСТЕМА ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XI–XII вв. В СВЕТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ ДИНАСТИИ КОМНИНОВ

Рассматривается попытка создания новой жизнеспособной военной системы и системы власти императорами династии Комнинов в XI–XII вв., суть которых состояла в господстве личных вертикальных и горизонтальных социальных связей, что являлось совершенно новым для Византийской империи.

The article presents an attempt to create a new viable military system and the system of power by the emperors of the Komnenes dynasty in the XI–XII centuries. The core idea of these systems was the dominance of personal vertical and horizontal social links which was absolutely new for Byzantine Empire.

Во второй половине XI в. военная система Византии, как и сама империя, оказалась в глубоком кризисе. Фактически фемная (провинциальная) ар-

